

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И МОРАЛЬ

Эта статья посвящена процессам включения и исключения в ходе глобализации. Ключевой теорией для меня является теория цивилизации Норберта Элиаса. Согласно его представлению, цивилизационный процесс характеризуется переходом от внешнего давления к самопринуждению, а также к морали, праву и обеспечивающим внутренний порядок институтам. Национальное государство получает монополию на насилие благодаря отказу индивида от насилия. В период модерна оно устанавливает важную границу между внутренней и внешней моралью.

Теперь социологи уже обсуждают переход от современного к постсовременному обществу, и некоторые из них видят в нем переход к мировому обществу. Основной для меня вопрос звучит так: что произойдет в ходе глобализации с национальным государством, с его монополией на насилие, с внутренним и внешним насилием?

В первой части статьи я хотел бы обсудить глобализацию как совокупность процессов. Я покажу, что благодаря глобализации национальная идентичность и внутренняя мораль теряют свое значение. Наряду с гомогенизацией последствиями глобализации являются также локализация и фрагментация. Эти три процесса подрывают монополию государства на насилие.

Во второй части статьи я приведу доказательства того, что переход монополии на власть от национального государства к международным организациям маловероятен. Пессимистическим следствием утраты легитимности господства национального государства без соответствующего переноса легитимности на наднациональный уровень является возможное усиление внутри- и внегосударственного насилия. Оптимистический вариант состоит в том, что в процессе формирования сети коммуникаций восстанавливается прежнее основание нарушенных, регламентированных государством социальных отношений. Персонифицированные системы связей в качестве «моральных экономик» структурируют, таким образом, социальный и хозяйственный мир.

1. Процессы глобализации и политические арены

По мнению Маргарет Арчер [1, с. 133], глобализация — это процесс, который приводит к охватывающему весь мир связыванию структур, культур и институтов. Для нее глобализация означает, что на сегодняшний день обще-

Шрадер Хайко (р. 1958) — приглашенный профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Доктор социологии.

Адрес: 193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд. Тел./факс (812) 110-0077.

E-mail: schrader@soc.spb.ru или schrader@infopro.spb.su

ства не являются больше первичными единицами анализа. Олброу [2, с. 9, 11] доказывает, что общества следует рассматривать лишь как систему в окружении других систем и, таким образом, как подсистему мирового сообщества.

В области экономических наук глобализация связывается, прежде всего, с идеей свободного мирового рынка, глобальной массовой культурой и мировым информационным сообществом. Интернациональные предприятия действуют на глобальном товарном и финансовом рынке на основе высоких информационных технологий, а труд конкурирует на глобальном рынке труда. Неоклассическая модель закрытой рыночной экономики здесь транснационализируется. Теория международных отношений Розентау [3] прогнозирует развитие в направлении к «одному миру». Национальные государства, по Мейеру [4], представляют собой лишь подсистемы общей мировой политики. В соответствии с этим они все больше делегируют свой суверенитет в пользу объединения в наднациональные организации [5, с. 89].

Теория мировой системы Уоллерстайна [6—8] тоже исходит из концепции мировой капиталистической экономики, которая в Новое время распространилась по всей планете. Однако ее интеграция произошла благодаря торговым и производственным взаимосвязям, причем национальные государства были до некоторой степени насильственно организованы в основанную на эксплуатации трехполюсную структуру: центр — полупериферия — периферия. Правда, Уоллерстайн видит в будущем социалистическое мировое правительство, так как международный капитализм из-за своих собственных противоречий обречен, в конечном счете, на поражение.

Действительно ли национальное государство является уходящей моделью современности, как это описывают выше приведенные теории? Рассмотрим дискуссию об изменении значения национального государства в ходе глобализации несколько подробнее: нация является центральным понятием, обозначающим включение человека в политическую систему, которая благодаря дифференциации (включения «подобных» и, соответственно, исключения «других») создает когерентность (взаимозависимость). Андерсон [9, с. 16—17] говорит о национальном государстве как о «воображаемом сообществе». Он указывает на его моральный фундамент, национальную идентичность: имплицитное предположение братского объединения одинаковых индивидов находится по ту сторону фактических различий и классовых отношений — создание горизонтальной солидарности и доверия, а также публичные усилия ради благосостояния (well-being) «матери-нации». Национальное государство далее отождествляется Вальцером [10] с хорошим управлением («good governance»), справедливым господством, в отличие от деспотического государства.

Только этот моральный фундамент может объяснить силу и долгую жизнь концепции национального государства и временами готовность к жертвам ради «отечества». Бэмье [11, с. 2—5] также подтверждает, что эта сила основывается на превосходящей организационной способности государства. До сегодняш-

* Урок Европы, который в колониальный период начал усваивать остальной мир, состоит в том, что ни богатство, ни формальное правление сами по себе не являются существенными условиями достижения превосходства над другим, но таковым является более высокая способность к культурной организации, посредством которой все внутри страны направляется на создание государства, присваивающего «национальный вклад» [11, с. 14].

него дня система суверенных национальных государств успешно противостояла таким конкурирующим транснациональным концепциям, как панисламизм, таким международным организациям, как ООН, мировой банк или международный валютный фонд, и идеям мирового общества. Именно международные организации благодаря принципу взаимного признания придают своим членам международную и национальную легитимность в лице международных представителей национальных государств. Национальное государство поэтому имело зачастую более важное международное, нежели национальное значение. В контексте миграции существует соответствие патриотизма и «дальнего» национализма [12, с. 165].* По мнению Робертсона [13], идея национального государства не утратила своего значения, а напротив, была глобализована.

Многие авторы писали о возникновении европейского национального государства в новейшее время и о его моральных корнях во французской революции. Тесная нормативная связь между понятиями нации и благополучия (well-being) переросла в итоге в современное государство благоденствия, в котором существующая в рамках общины (семьи, соседства, деревни и т.д.) система ответственности и безопасности была перенесена на общество, т.е. на государственные институты. Наряду с увеличением свободы индивида, которое признают многие ученые социальных наук, при моральном обосновании государства благоденствия возникает одна дилемма: эти процессы перекладывания ответственности на государство ослабляют горизонтальную солидарность, национальное мы-чувство. Действия в солидарном сообществе современного государства и, соответственно, сверхпредпочтение «генерализованной взаимности», согласно Салинсу [14], противостоят индивидуальным предпочтениям краткосрочной максимизации успеха и во многих случаях ведут к *иждивенческим настроениям*, которые установажены теорией рационального выбора. Современное государство благоденствия теряет свой фундамент: национальную идентичность. Закат великих идеологий в ходе коллапса централизованных экономик способствует этому процессу.

Кроме того, во многих странах национальная идентичность ставится под сомнение по другой причине: возникшие в постколониальный период национальные государства в противоположность национальным государствам старого мира, особенно в странах с глубокими традициями гражданского общества, таких, как Франция или Англия, характеризуются постепенным распадом национальной и этнической идентичностей. Государственные границы являются скорее политическими, чем этническими границами, а национальные идентичности, как и этничности, по мнению Барта [15], — это конструкции, которые могут конкурировать друг с другом. Процессы этничности — это признак особенно слабых национальных государств (я вслед за Вебером называю слабыми те государства, которые не имеют монополии на власть).** В ряде стран третьего мира и бывших социалистических странах Восточной Европы национальная идентичность очень слаба и уязвима, и сильный националистический

* Недавнее убийство Рабина было бурно отпраздновано американскими евреями-фундаменталистами.

**Применительно к слабым государствам часто возникает кажущийся парадокс, что они имеют сильные государственные аппараты и механизмы подавления. Другой характеристикой слабых государств является помимо этого экономический протекционизм.

символизм (военные парады, празднование дат освобождения и т. д.) не может скрыть эту слабость. Этнические процессы могут привести к распаду национальных государств на более мелкие единицы, что и имело место в Югославии и бывшем Советском Союзе.

Экономическая практика показывает, что максиме охватывающей весь мир свободной торговли и трехполюсной структуре (центр — полупериферия — периферия) противостоит другое направление развития экономики: образование различных супранациональных пространств. Здесь буржуазные подходы видят повышение эффективности и международной конкурентоспособности, в то время как неомарксистский подход усматривает в южной и восточной региональной кооперациях и автаркичном развитии возможность образования противоположного центра власти по отношению к старым индустриальным странам. С позиции национальной экономической политики экономические пространства предполагают устранение торговых барьеров, обусловленных существованием границ национальных государств (например, общая таможенная, валютная, экологическая политика, а также политика рынка труда и др.) и, как гласит теория международных отношений, перенос определенных полномочий и прав национального государства с уровня государства на уровень международных организаций. Последние стремятся к унификации ряда национальных законов, прав и обязанностей. Цель этих попыток состоит в создании определенных интернациональных пространств с общей политикой в экономической и общественной сферах.

Идея таких международных пространств не нова, и в послевоенной истории было много экономических объединений: ЕЭС, Европейская ассоциация свободной торговли, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Организация африканского единства, СЭВ или СНГ (они зачастую представляли собой надуманные организации, но обозначали себя как сообщества). Некоторые из них выжили, некоторые исчезли с распадом социалистических экономик, а некоторые были поглощены другими организациями. Перспективой таких экономических и политических объединений является возникновение «супер-рынка» в каком-либо определенном регионе мира. Основная сложность при создании и дальнейшем расширении таких пространств состоит в том, что политика глобализации требует от национального государства координации определенных, прежде независимых решений с другими национальными государствами и подчинения интересам сообщества государств.

С социологической точки зрения политика новых транснациональных пространств направлена на открытие и поддержку новых транснациональных идентичностей в рамках соответствующих экономических пространств с помощью одинаковых прав и обязанностей, одинаковых личных документов, флагов и гимнов, единой валюты и т.д. В ходе этого процесса образования транснациональной идентичности наряду с братьями и сестрами данной общины граждан и «чужими» возникает промежуточная категория: «сосед», бывший чужой. Соседи получают привилегированные условия в многочисленных экономических и политических областях, в то время как чужие из-за новых правил оформления визы и местожительства, права убежища и т.д. остаются «за бортом».

«Прибывающие сегодня и остающиеся завтра чужие» [16] рассматривались в эпоху предмодерна как подозрительные и потенциально враждебные. В

эпоху модерна, как утверждают многие представители социальных наук [5, с. 105—106; 17; 18], в результате пространственных и временных перемен изменилось восприятие чужих: чужого воспринимали поверхностно, вежливо игнорировали [5, с. 103—104]. Однако эта характеристика кажется мне слишком одномерной. Охватившие весь мир погромы меньшинств в новейшее и постмодернистское время говорят сами за себя. Вслед за Фуко я приведу доказательства того, что каждая нация и каждое экономико-политическое пространство нуждаются не только в символах общности, но и в правилах исключения, так как именно инаковость сообщает отличие и особенность собственной культуре. Поэтому эти пространства возникают внутри определенных культурно-региональных границ (христианско-европейских, азиатских, панисламистских и т.д.).

Одновременно восприятие все больше обращено на внутреннее пространство, тогда как внешнее пространство постепенно исчезает из сознания людей, находящихся в этих границах. Представители социологии развития обсуждают проблему «конца третьего мира» [19]. При этом они ссылаются не только на утрату великих теорий развития семидесятых годов, но и на усиливающееся вытеснение третьего мира из трансферных финансовых потоков, ограничение доступа его во внутренние пространства системы, лишение его сознания участника и выдавливание из периферии за пределы системы в состояние иррелевантности. Также в этнологии, науке столкновения с «чужим», с развитием европейской этнологии (*Volkskunde*) все больше увеличивается значение понятия «сосед».

Такие региональные экономические и политические пространства противостоят возникновению исторически складывающегося мирового общества и, наряду с сообществами государств и субнациональными этническими процессами, порождают дальнейшую партикуляризацию. С точки зрения политэкономии она может привести к следующим перспективам:

1. К усиливающемуся соперничеству между международными блоками, которое приведет к возникновению новых границ (например, защитных таможен или котировок). В настоящее время мы можем наблюдать растущий меркантилизм на транснациональном уровне. Торговая статистика показывает, что торговые потоки в Европе и США находятся в основном в рамках данного экономического пространства и в меньшей степени — за его границами*, в то время как развивающиеся страны в своем импорте и экспорте ориентируются, как и прежде, на индустриальные страны. Однако именно через поддержку региональной кооперации предпринимаются попытки изменения зависимой экономической структуры развивающихся стран.

2. Следующая возможная перспектива — это растущее напряжение внутри экономических блоков из-за расхождения интересов, напора власти, неравномерного распределения благополучия и экономической мощи, политических или культурных различий и *норм***.

* Пропорции объема общей внутрирегиональной торговли выросли в период между 1980 и 1989 годами с 51 до 59 % в Европе, с 33 до 37 % в Восточной Азии и с 32 до 36 % в Северной Америке [20, с. 27].

**Пример: SAARD включает в себя таких культурно-политических врагов, как Пакистан и Индия или Шри-Ланка и Индия. В Ассоциации государств Юго-Восточной Азии различные государства борются за доминирование.

3. Третья возможная перспектива — это изменение системы мировой гегемонии как результат возникновения регионализированных политических и экономических пространств, упадок старого центра мировой экономики и возникновение нового центра в азиатско-тихоокеанском регионе [21]. Неолиберальные экономисты подогревают эти настроения, доказывая, что старым индустриальным странам развитие дорого стоило, тогда как хищение и покупка технологий в ходе глобализации позволили новым индустриальным странам (NICs) наладить связь с Западом, и, благодаря низким затратам на производство и развитие, даже обогнать его.

Подводя итоги дискуссии о значении национального государства в ходе глобализации экономики, культуры и политики, я, соглашаясь с Гидденсом [5, с. 86, 96], хотел бы констатировать: некоторые аспекты национального государства благодаря своей связи с международной системой государств сохраняют свое значение и приводят к усилению националистических настроений. Другие аспекты национального государства и его идентичности теряют свою силу в результате субнациональных (этнических) процессов, супранациональных процессов (поощрение и возникновение транснациональных экономических и политических пространств) и системных процессов в государстве благоденствия. Национальное государство базируется на нравственной основе (идентичности национального государства), которая разрушается изнутри в результате осознания отличия, исчезновения горизонтальной солидарности и перепроверки легитимности господства, что извне сопровождается возникновением супранациональных идентичностей и жизненных стилей, а также международных институтов.

Норберт Элиас [22 — 24] описывает общественный цивилизационный процесс как уменьшение индивидуальной власти и внешнего контроля (принуждения) посредством создания монополии на насилие и самоконтроля. С объединением в большие пространственные образования возникают новые институты и воцаряется внутренний мир. В то время как во внутреннем пространстве насилие влечет негативные санкции, вовне оно возможно и зачастую даже возрастает в интересах национального государства.

Интерпретация Элиаса завершается на уровне национального государства. Описанное мной уменьшение в ходе глобализации значения национального государства как комбинированного территориального, политического, социального, экономического и военного единства, в его тесной связи с монополией на насилие и внутренней моралью ставит вопрос о том, что при этом изменении происходит с монополией на насилие и с моралью. Есть ли какие-то указания на возникновение глобальной этики добродетели, согласно которой все люди братья и сестры? Настолько ли мы цивилизованы (или нравственно регламентированы), чтобы отказаться от насилия по отношению к чужим, к потенциальным врагам? Или мы такие варвары, что недавно спроектированные и возникающие транснациональные границы маркируют новые границы между внутренней и внешней моралью?

Чтобы устранить проблемы в отношении семантики понятия «мораль», я хотел бы обозначить мораль функционально как интернализированный принцип управления, который подвергает эгоистическое действие определенным

ограничениям в пользу общественной жизни*. Однако по мнению Хомана [26], конвенциональные формы морали, которые базируются на вере, авторитете и страхе наказания (в посюстороннем или потустороннем мире), сменились формами постконвенциональной морали, основанными на intersubjectively разделяемом «убеждении в действенности норм» или на ожидании, что нормы в любой момент будут обоснованно узаконены. Таким образом, кантова этика добродетели заменена этикой благоразумия, которая основывается на рефлексии, дискурсе и понимании [27], а не на коллективных непроверенных указаниях к действию.

Новые подходы экономической социологии доказывают, что ни нормативно узаконенная свободная игра рынка а la Hayek, ни государственное вмешательство не представляют собой общественного принципа управления, достаточного для функционирования какого-либо общества [28], но важна лишь постконвенциональная мораль как указание к индивидуальному и коллективному действию.

2. Глобализация, постмодерн и мораль

Если только, как утверждалось вначале, процессы глобализации уничтожают национальную идентичность в национальном государстве, его внутреннюю мораль и, следовательно, монополию на насилие, передо мной встает вопрос, какие последствия будут иметь эти тенденции развития. Я хочу предложить три возможных сценария.

1. Первый сценарий предполагает перенос контроля с уровня национального государства на уровень международных организаций и союзов. Однако я уже отмечал, что этот сценарий маловероятен, так как для дееспособности международных и транснациональных организаций необходим консенсус его национальных представителей. Из-за конфликта интересов большинство далеко идущих планов вязнет в минимальных компромиссах или в сохранении статус-кво.

2. Второй сценарий заключается в том, что подрыв государственной монополии на насилие повышает опасность войны — войны не столько между национальными государствами, сколько внутри национальных государств. Вместо «цивилизованных» мировых войн насилие может принять форму «варварских» гражданских войн. Последние десятилетия богаты такими примерами, даже в «цивилизованной» Европе.** Другая линия потенциальных конфликтов — это, конечно, новые внешние границы региональных пространств. Именно

* Согласно «Этике менеджера» Руперта Лэя [25, с. 27—29], моральное действие совершается на основе взвешивания, с одной стороны, реализации собственных интересов, и с другой — избегания психических конфликтов (чувства вины, стыда, нанесения вреда самоуважению и т.д.) и социальных санкций (уменьшения или утраты признания, социальной защищенности и т.д.) с другой. Мораль регулирует процессы общения через обязательно согласованный и «как правило, соблюдаемый стандарт (нормы, правила, привычки, принципы), установки, предубеждения и ценностные ориентации» [25, с. 91].

** Секция социологии развития Ассоциации немецких социологов провела в 1996 году конференцию на тему «Война, междоусобица, геноцид» и результаты опубликовала в отчете о конференции.

здесь возникает потенциал торговых войн между экономическими блоками. Примером этого является экономико-политическое противостояние между США и Японией, другой пример — намерения ЕС создать таможи против неэкологичной дешевой продукции, поступающей из развивающихся стран. Безусловно, существование ЕС — это также вызов для США. Эти регионы имеют разную экономическую структуру и их интересы расходятся (экономическое пространство ЕС, в отличие от экономического пространства США, сильно зависит от экспорта), что может привести к политике протекционизма со стороны США и торговой войне.

Возможность восстания третьего мира против индустриальных стран стала темой научно-фантастического фильма «Великий поход». Этот фильм начинается с эпизодов миграции из-за голода и безработицы из Африки в Южную Европу, а заканчивается сценами погромов мигрантов европейскими вооруженными силами с целью защитить границы и благополучие от приезжих. Вариацией на эту тему стала высказанная Хантингтоном [20] гипотеза «столкновения культур» («clash of civilisations»). В то время как в период холодной войны — таков его аргумент — граница между внутренней и внешней моралью и грань отказа от насилия пролегла вдоль рубежей, разделяющих идеологические блоки (на Западе она нашла выражение в лозунге «Свобода против коммунизма», а на Востоке — «Коммунитаризм против деградации») и предполагала войну за эти ценности, то сейчас этой поляризации нет. Правда, Хантингтон признает еще одну опасность: ислам, имеющий возможность объединения с конфуцианством против христианской культуры. Хантингтон доказывает, что культуры образуют самый высокий уровень общей идентичности. В различии культур, в растущем осознании этого различия, в религиозном фундаментализме, индигенизации элиты (обращении к собственной культуре вместо ориентации на запад), глубоком укоренении культурной идентичности и усиливающимся экономическом регионализме, который культурно идеологизируется, и находится опасность этого конфликта.

Гипотеза Хантингтона была отвергнута многими авторами. Я разделяю точку зрения Хартмана [29], что метакультура из-за структурной гетерогенности развивающихся стран не может быть переменной для объединения и конфликта. Следующий недостаток теории Хантингтона — отождествление конфликта и конфронтации.* Итак, первый сценарий «торговых войн» кажется мне более вероятным.

3. Вместо того чтобы обсуждать далее вопрос о насилии, я хотел бы обратиться к третьему сценарию и затронуть вопрос о том, насколько процессы гражданского общества препятствуют разрушению морального основания государства благоденствия.

Многие авторы связывали переход к постиндустриальному [31], постмодернистскому [32] или ультрасовременному [5] обществу с потерей идентично-

* Альберт О. Хиршман [29; см. 30] различал два вида конфликтов: «более или менее конфликты» и «или-или конфликты». Первый тип может быть разрешен без конфронтации (позитивный конфликт), последний не оставляет противнику выхода. Однако второй тип конфликта не обязательно приводит к уничтожению одной из сторон, т. к. могут быть найдены временные решения. Поэтому Хиршман считает, что «или-или конфликт» переходит в «более или менее конфликт».

сти и дезориентацией. По ту сторону современности выкристаллизовывается иной порядок. Информационное общество требует: или участвовать в создании каналов данных и подключаться к Интернету, или быть отрезанным от всего остального мира. Информационная революция, кажется, ускорила вращение земли. Границы роста [33] и противоречия капитализма [34] и государства благосостояния ясны, очевидны и болезненны для жителей старых индустриальных стран. Многие из них, между тем, достигли того состояния, ради которого они трудились в послевоенное время, и это состояние оказалось не столь уж достойным. Многие материальные потребности удовлетворены, и экономика свидетельствует о кризисе потребления. Хотя вера в прогресс в развивающихся странах до сих пор осталась непоколебимой, кажется, что однажды — а когда — это вопрос времени, эта вера разобьется от последствий освоения и разрушения природы.

С социологической точки зрения постмодерн характеризуется процессом делегитимации, который нагнетается требованием легитимации. По мнению Лиотара [35, с. 335], мы утратили Великие легенды. Угроза для жизни исходит теперь не от врага или дикой природы, а от природы одомашненной и потому разрушенной: от глобальных экологических катастроф. Доверие к системе экспертов поставлено под сомнение. Вера в прогресс деконструирована. Для многих людей потребление является не целью жизни, а опасностью для нее, и они, чтобы придать смысл своему существованию и выжить, ищут индивидуальные стратегии в религиозных и экологических движениях.

Ульрих Бек [36, 37] доказывает, что индустриальное общество превратилось в индивидуализированное общество риска. Примирение индивида с потерей идентичности описывается как обращение к прошлому в структурах этничности, родства и соседства и в индивидуальных связях. Бек видит снижение значения коллективных структур индустриального общества, которое выражается в сокращении членства в профсоюзах или партиях или в выхолащивании понятия «гражданин государства» в ходе возникновения мирового общества. Индивидуализация все же означает, по Беку, не изоляцию, а активное оформление индивидуальных биографий, упрочение отношений и создание новых форм солидарности, которая базируется на индивидуальных связях. Неосубстантивисты и коммунитаристы, которые с трудом могут быть включены в существующий политический спектр, видят в этом новом усилении общины и этики добродетели при одновременном разрушении государства новое правильное уравнивание гражданских прав и обязанностей и выход из кризиса капитализма. Консервативные политики охотно подхватывают эту мысль как оправдание сокращения числа общественных благ и услуг и требуют приватизации государства благоденствия (оказание определенных услуг посредством самоорганизации или рынка).

Подтверждение взгляда Бека я вижу в развитии экономике. Дискуссия о глобализации показала, что техническая революция в информационном обществе ускорила интернационализацию отношений обмена.* По закону спроса и

*Корф и Гейденрейх [38] указывают на трансформацию международных фирм в транснациональные. Международные фирмы используют разницу в ценах в разных странах. Транснациональные фирмы, напротив, преследуют цель создания единой, охватывающей весь мир сети, чтобы использовать эффект синергии и снизить расходы на трансакции.

предложения пространство в метрополиях труднодоступно и труд в старых индустриальных странах стал слишком дорогим. Поэтому целые отрасли перенесены в другие страны или, по крайней мере, в одну страну, как, например, производство компьютерных программ перенесено в Бангалор, а производство компьютерных чипов — в Силиконовую долину. Однако, несмотря на открывшиеся в результате технической революции возможности пространственно-временной разгрузки, статус и предпринимательская культура больших, особенно международных фирм требует содержания представительных торговых домов в узловых пунктах мирового хозяйства, городах мирового значения [39], которые олицетворяют значимость предприятия.

Глобализованная экономика и общество характеризуются падением значения производящей промышленности и расширением области услуг, особенно финансовой и информационной сфер. Финансовый рынок, функции которого не ограничиваются посредничеством между спросом и предложением капитала, сегодня сам создает свой продукт. Правда, как и рынок труда [40], он является тем самым рынком *par excellence*, который не соответствует неоклассической основной модели. В последние два десятилетия обнаружились сильные процессы концентрации, рынок предрасположен к спекуляциям, и прогнозы содержат очень много ошибок. Биржа скорее отражает ожидания, чем реальное развитие.

Я считаю, что экономическая глобализация проходит с мощным нарастанием сложности, незащищенности и риска.* Исторически образование рыночной экономики, которое было тесно связано с процессами образования государства, означало увеличение экономических возможностей или альтернатив поведения на основании деперсонализации отношений обмена. Однако потерявшие свое значение традиционные механизмы управления индивидуальными действиями, как, например, нравственная экономика (доверие к партнеру по обмену, давно установленные отношения и опыт, общественное давление, личная угроза применения силы и т.д.) должны быть одновременно дополнены эффективными, рассчитанными институциональными условиями (правилами), особенно безопасностью правовой и в области планирования. Эта задача национальных государств приобрела в рамках Великой Трансформации [42] новое измерение.

Продолженная в сторону глобализованной экономики трансформация означает новое расширение возможностей. Однако до сих пор отсутствуют эффективные, рассчитанные правила, установленные на международном уровне. Возможности применения санкций в глобализованной экономике малы и, прежде всего, требуют все больших затрат. Международное право хотя и существует, но оно сложное и громоздкое. Мне, однако, кажется спорным то, что отсутствующие институциональные правила возникнут как следствие глобализации, так как они находятся в отношениях конкуренции со структурами национального государства.

Как же обходятся с таким риском международные и транснациональные фирмы? Исследования показали, что транснационализация фирм не означает

* Системная теория различает незащищенность и риск. Незащищенность означает, что возможен любой исход ситуации, тогда как риск содержит вероятность какого-либо определенного результата [например, 41].

простого переноса национальной конкуренции на международный уровень или — как это обычно воспринимают — не представляет собой процесса концентрации, который вытесняет с рынка более слабые фирмы. Она является скорее специализацией фирм на определенных отраслях, в которых они имеют преимущества и даже отчасти из-за недостатка конкуренции занимают квази-монопольную позицию. Транснационализация — это процесс дифференциации, транснациональное разделение труда, которое приводит к зависимости между высоко специализированными предприятиями [38].*

Такие взаимозависимости характерны и для хозяйственных сетей. Я доказываю, что для понимания глобализации экономики имеет смысл учитывать прошлые фазы экономической трансформации (как, например, при утверждении торгового капитализма [43 — 45]). Традиционная торговля между странами характеризовалась сравнительно небольшим числом торговцев, которые встречались в определенных местах, на складах международной торговли, чтобы обменять свои дорогостоящие товары. Помимо создания правовых институтов для формального регулирования торговых конфликтов, возникающих в результате конкуренции складов между собой, личные отношения между купцами (например, партнерство, долгие деловые отношения) являлись моральными обязательствами, которые определяли торговлю и помогали обойти сильную взаимозависимость, отсутствие гарантий и риск. Их личные связи создавали информационные системы локального знания и, следовательно, механизмы для применения санкций даже в отдаленных местах.

Рассматривая глобализованную экономику, я хочу выдвинуть тезис о том, что наряду с процессами концентрации происходят также процессы обратного перехода от не зависимых от личности к зависимым от личности отношениям [5, с. 103]. По Гидденсу [5, с. 85 — 86], глобализация по этой причине представляет собой интенсификацию социальных отношений. Я привожу доказательства того, что в глобализованной экономике существуют многочисленные хозяйственные связи, которые базируются на личных отношениях. Глобализация и персонализация с этой точки зрения — одновременные процессы, и оба процесса ставят под вопрос национальное государство и государственное гражданство как значимый, создающий солидарность образец идентичности.

Зависящие от личности отношения представляют, по мнению Грановеттера (Granovetter) [46, с. 446 — 447], «нравственные хозяйства», которые регламентируют действие отдельного индивида в общественной и экономической системе. Business groups, т.е. предпринимательские группы, формальные и неформальные сети — это, в моей интерпретации, «нравственная экономика».** Они представляют собой оформление торгового мира — эффективную форму организации для уменьшения сильной взаимозависимости, неуверенности и риска в глобализованной экономике, которая находится между семейным предприятием и измельчавшими рынками. Такие формы организации дают преимущества в отношениях с государствами с коррумпированной бюрократией и судом

*Примером является планирование дальнего самолета будущего. Инвестиции принимают такие размеры и ноу-хау настолько специфичны, что бывшие конкуренты вынуждены при данном развитии кооперироваться.

** Я употребляю здесь это понятие в широком смысле, в котором употребляет его Грановеттер (Granovetter), а не Джеймс Скотт [47].

(т.е. государствами, которые не предлагают правовой и плановой гарантии) и в международных отношениях.

Свой аргумент я хочу обобщить следующим образом: Business groups обсуждались применительно к определенным переходным периодам, в которых личные отношения имели преимущества перед анонимными рыночными отношениями. Я выдвигаю тезис о том, что нынешний процесс глобализации экономики представляет собой такой переходный период. Он еще раз увеличивает возможности действия экономических субъектов. Правда, фирмы из-за сложности экономической жизни и связанным с этим отсутствием гарантий, риском, расходами на транзакцию рассчитывают на стратегии уменьшения риска. Одна из таких стратегий — добровольное ограничение экономических альтернатив действия посредством установления льготных отношений в предпринимательских группах и сетях, которые часто базируются на личных отношениях. Этот факт приводит к кажущемуся парадоксу, что глобализация экономической жизни и персонализация экономических отношений взаимосвязаны. Отныне не локальный, глобальный рынок является с этой точки зрения сосуществованием многочисленных предпринимательских групп, формальных и неформальных предпринимательских сетей. Узловые пункты этих сетей и групп — метрополии, центральные места для business groups. В связи с этим появляется еще один кажущийся парадокс: структуры глобального рынка и структуры рыночной площади, которую обсуждают экономические антропологи, с этой точки зрения не так уж удалены друг от друга.

Перевод с немецкого К. Г. Тимофеевой и В. В. Козловского

Литература

Основная

1. Archer M.S. Sociology for One World: Unity and Diversity // International Sociology. 1991. Vol. 6. № 2.
2. Albrow M. Introduction // Globalization, Knowledge and Society. London: Sage, 1990.
3. Rosenthau J.N. The Study of Global Interdependence. London: Printer, 1980.
4. Meyer J.W. The World Polity and the Authority of the Nation State // Institutional Structure, Constituting State, Society and the Individual. New Park, C.A.: Sage, 1987.
5. Giddens A. Die Konsequenzen der Moderne. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1995.
6. Wallerstein I. The Modern World System I. New York: Academic Press, 1980.
7. Wallerstein I. The Modern World System II. New York: Academic Press, 1980.
8. Wallerstein I. The Modern World System III. San Diego: Academic Press, 1989.
9. Anderson B. Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines erfolgreichen Konzepts. Frankfurt/M.: Campus, 1993.
10. Waltzer M. Toward a Global Civil Society. Providence: Berkhaan Books, 1995.
11. Bamyeh M. Transnationalism // Current Sociology. 1993. Vol. 41. № 3.
12. Nederveen Pieterse J. Globalization as Hybridization // International Sociology. 1994. Vol. 9. №2.
13. Robertson R. Globalisation. Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.
14. Sahlins M. Stone Age Economics. Chicaco: Aldini-Atherton, 1972.
15. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organisation of Culture Differences. Boston, 1969.
16. Simmel G. Soziologische Studien. Berlin: Duncker und Humblot, 1908.
17. Goffman E. Behaviour in Public Places. New York: Free Press, 1963.

18. Silver A. «Trust» in Social and Political Theory // *The Challenge of Social Control*. Norwood, N.J.: Ablex, 1985.
19. Menzel U. *Das Ende der Dritten Welt und das Scheitern der großen Theorie*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992.
20. Huntington S. *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72. № 3.
21. Frank A.G., Gills B.K. *The 5000-Year World-System — An Interdisciplinary Introduction / The World System. Five Hundred or Five Thousand?* London: Routledge, 1993.
22. Elias N. *Über den Prozeß der Zivilisation*. Bd 1. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1981.
23. Elias N. *Über den Prozeß der Zivilisation*. Bd 2. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1988.
24. Elias N. *Was ist Soziologie?* Weinheim; München: Juventa, 1993.
25. Lay R. *Ethik für Manager*. Düsseldorf; Wien; New York: Econ, 1991.
26. Homann K. *Strategische Rationalität, kommunikative Rationalität und die Grenze der ökonomischen Vernunft // Auf der Suche nach einer neuen Wirtschaftsethik*. Bern; Stuttgart: Haupt, 1990.
27. Ulrich P. *Wirtschaftsethik auf der Suche nach der verlorenen ökonomischen Vernunft // Auf der Suche nach einer neuen Wirtschaftsethik*. Bern; Stuttgart: Haupt, 1990.
28. Schrader H. *Zum Verhältnis von Markt und Moral in westlichen und nichtwestlichen Gesellschaften*. Working Paper No. 217. Forschungsschwerpunkt Entwicklungssoziologie. Universität Bielefeld, 1994.
29. Hartmann H. *Clash of Cultures, When and Where? Critical Comments on a New Theory of Conflict // International Sociology*. 1995. Vol. 10. № 2.
30. Hirschman A.O. *Entwicklung, Markt und Moral. Abweichende Betrachtungen*. Frankfurt/M.: Fischer, 1993.
31. Bell D. *The Coming of the Post-Industrial Society*. New York: Basic Books, 1973.
32. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition*. Manchester: Manchester University Press, 1986.
33. Hirsch F. *Social Limits to Growth*. London: Routledge and Kegan Paul, 1977.
34. Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books, 1976.
35. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition // Culture and Society: Contemporary Debates*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
36. Beck U. *Jenseits von Stand und Klasse // Soziale Welt. Sonderband 2*. Göttingen, 1993.
37. Beck U. *The Debate on the Individualization Theory in Today's Sociology in Germany // Sociology in Germany. Soziologie Special Edition 3*. Opladen: Leske and Budrich, 1994.
38. Korff R., Heidenreich M. *Globalisierung und transnationale Konzerne. Das Beispiel der Computerindustrie // Arbeitsberichte und Forschungsmaterialien Nr. 62: Forschungsschwerpunkt Zukunft der Arbeit*. Fakultät für Soziologie, Universität Bielefeld, 1991.
39. Sassen S. *Cities in a World Economy*. Thousand Oaks: Pine Forge Press, 1994.
40. Granovetter M. *The Sociological Approaches to Labour Market Analysis: A Social Structural View // The Sociology of Economic Life*. Boulder: West View, 1992.
41. Luhmann N. *Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust. Making and Breaking Cooperative Relations*. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
42. Polanyi K. *The Great Transformation*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1978.
43. Braudel F. *Civilization and Capitalism, 15th–18th Century*. Vol. II. *The Wheel of Commerce*. New York: Harper and Row, 1982.
44. Schrader H. *A Discussion of Trade in Social Science. // The Moral Economy of Trade. Ethnicity and Developing Markets*. London: Routledge, 1994.
45. Schrader H. *Changing Financial Landscapes in India and Indonesia: Sociological Aspects of Monetization and Market Integration*. Münster; Hamburg: LIT Publishers, 1996.
46. Granovetter M. *Business Groups // Handbook of Economic Sociology*. New York: Russell Sage Foundation and Princeton Univ. Press, 1994.
47. Scott J.C. *The Moral Economy of the Peasant*. New Haven; Conn.: Yale University Press, 1976.

Дополнительная

- Bell D. The World and the United States in 2013 // *Daedalus*. 1987. № 116.
- Elster J. The Cement of Society. A Study of Social Order. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Etzioni A. The Moral Dimension: Toward a New Economics. New York: Free Press, 1988.
- Foucault M. L'ordre du discours. Paris: Gallimard, 1971.
- Harsanyi J. Does Reason Tell us what Moral Code to Follow and, indeed, to Follow any Moral Code at all? // *Ethics*. 1985. № 96.
- Heinemann K. Soziologie des Geldes // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 1987. № 28.
- Macaulay S. Non-Contractual Relations in Business: A Preliminary Study // *The Sociology of Economic Life*. Boulder: Westview, 1992.
- Menkhoff T. Trade Routes, Trust and Trading Networks // *Bielefeld Studies on the Sociology of Development* 54. Saarbrücken; Fort Lauderdale: Breitenbach, 1995.
- Offe C. Contradictions of the Welfare State. London: Hutchinson, 1984.
- Polanyi K. The Economy as an Instituted Process // *Trade and Markets in Early Empires*. New York: Free Press, 1957.
- Popkin J. The Rational Peasant. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1979.
- Sen A.K. Rational Fools? A Critique of the Behavioral Foundations of Economic Theory // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 6. 1977.
- Wieland J. Organisatorische Formen der Institutionalisierung von Moral in der Unternehmung. Empirische Resultate, theoretische Reflexionen // *Wirtschaftsethische Perspektiven II*. Schriften des Vereins für Socialpolitik. Bd 228/1. Berlin: Duncker und Humblot, 1994.
- Williamson O. Markets and Hierarchies. New York: Free Press, 1975.
- Williamson O. The Modern Corporations: Origins, Evolution, Attributes // *Journal of Economic Literature*. 1981. Ns 19.
- Williamson O. The Economic Institutions of Capitalism. New York, 1985.